
Глава 3

СОБИРАНИЕ СИЛ

В декабре 1917 г., несмотря на напряженность, вызванную расхождением между жесткой политикой большевиков и левоэсеровскими идеалами и нашедшую отражение в конфликте вокруг репрессий против кадетов и вокруг взаимоотношений Совнаркома и ВЦИК, левые эсеры согласились войти в состав Совнаркома. Вопреки общепризнанному мнению, создание ВЧК — Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем — одного из главных инструментов репрессий в раннесоветский период, было напрямую связано с этим событием.

Согласно традиционной трактовке, в первых числах декабря 1917 г. Петроградский ВРК, сочтя свою миссию, связанную с захватом и консолидацией Советской власти в Петрограде, полностью исчерпанной, объявил о самоликвидации. Это произошло 5 декабря на заседании Совнаркома. Там же была создана координационная группа по осуществлению самороспуска ВРК в семидневный срок. Но, как утверждается, уже на следующий день всероссийский масштаб забастовок государственных служащих заставил Ленина обратиться к Совнаркому с предложением поручить Феликсу Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения революционных способов подавления политического саботажа. О чрезвычайном значении, которое придавалось этой задаче, говорил тот факт, что на следующий день, 7 декабря, когда в Совнаркоме стало известно, что комиссия Дзержинского еще заседает, члены правительства решили не расходиться до тех пор, пока та не закончит свою работу. На том заседании комиссии Дзержинский предложил: для борьбы с контрреволюцией и саботажем создать при Совнаркоме временный орган с широкими полномочиями. Предложение было немедленно принято, и на свет родилась ВЧК (1).

Между тем, советские архивные документы, проливающие свет на перипетии последних недель существования ВРК и его взаимоотношений с Совнаркомом в этот период, заставляют меня усомниться в этой трактовке. После Октября ВРК заполнил вакуум, созданный прекращением работы старых государственных учреждений, и взял на себя ответственность за осуществление основных муниципальных функций и координацию усилий по поддержанию безопасности и защиты революции в Петрограде. Особенно в период между 4 и 17 ноября, когда после отставки Рыкова пост наркома внутренних дел оставался вакантным, в руках ВРК оказались сосредоточены необычайно большие полномочия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

В середине ноября успехом завершилось слияние центральных исполкомов крестьянских и рабоче-солдатских Советов в единый Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и начались переговоры о создании коалиции большевиков и левых эсеров в Совнаркоме (2). В течение следующих двух недель невозможно было сказать с определенностью, какая из двух левых социалистических партий: большевики или левые эсеры, — окажется у руля объединенного ВЦИКа. В руках левых эсеров в этот период находились чрезвычайно мощные рычаги влияния. Среди прочего они потребовали от большевиков равного представительства в ВРК, и большевики пошли на эту неудобную для них уступку (3). С первых послеоктябрьских дней левые эсеры подвергали яростным нападкам насилие, применяемое ВРК к политическим оппонентам, и ограничение их гражданских прав. Равенство левых эсеров и большевиков в ВРК грозило ограничить свободу действий последних в деле подавления политических противников. На заседании Совнаркома 15 ноября было высказано мнение в пользу отмены ВРК. Председатель ВЦИК Свердлов выступил решительно против подобного шага. Вместо этого он предложил существенно сократить круг обязанностей ВРК и направить в его распоряжение из Наркомата внутренних дел средства, предназначенные для борьбы с контрреволюцией, и другие не подлежащие учету средства. А чтобы левые эсеры, пользуясь своим равенством, не мешали осуществлять репрессии против политических оппонентов, он предложил попытаться сохранить под своим

контролем Военную комиссию ВРК и предоставить ей право производить самостоятельные аресты, не подразумевающие участия всего ВРК (4).

Протокольная запись этого заседания Совнаркома не содержит указаний на какие-либо действия, предпринятые в соответствии с этими рекомендациями. Однако на заседании ВРК 21 ноября большевистское руководство комитета попыталось предпринять шаги, направленные на создание полностью нового органа борьбы с контрреволюцией, исключавшего участие левых эсеров. Попытка эта оказалась перечеркнута уже на следующий день, когда левые эсеры настояли на своем участии в новом органе (5). Понимая, что ВРК стал разменной фигурой в переговорах между большевиками и левыми эсерами о коалиционном правительстве, большевистское руководство ВРК предпочло на время отложить его реорганизацию (6).

Несмотря на то, что все это время накал левоэсеровской критики по поводу большевистского «террора» не ослабевал, и теперь было ясно, что левые эсеры будут иметь влиятельное представительство и в ВРК, и в его специальном отделе по борьбе с контрреволюцией, на заседании Совнаркома 25 ноября Ленин по-прежнему с надеждой смотрел на ВРК как на главный орган внутренней безопасности молодого Советского правительства. На том заседании были представлены три предложения, касающиеся будущего ВРК. Ленин, вслед за Свердловым, настаивал на том, чтобы все обязанности ВРК, напрямую не связанные с борьбой против контрреволюции и саботажа, были немедленно переданы соответствующим наркоматам. Мартин Лацис предложил включить ВРК в состав отдела ВЦИКа по борьбе с контрреволюцией, а Урицкий — вовсе ликвидировать ВРК. В накаленной политической атмосфере, вызванной приближением даты открытия Учредительного собрания и усилением саботажа госслужащих, предложение Урицкого, возможно, было сочтено преждевременным. Против предложения Лациса, скорее всего, сыграла затянувшаяся неопределенность по поводу того, какая партия будет контролировать ВЦИК после его преобразования. Принято было предложение Ленина о сужении круга задач ВРК (7).

Тем не менее, спустя две с небольшим недели, ВРК был ликвидирован и его место заняла новорожденная ВЧК. Как это произошло? Некоторые фанатично настроенные и независимо мыслящие

товарищи в большевистском руководстве ВРК были возмущены теми ограничениями, которые навязали им Ленин и Совнарком, лишив тем самым полной свободы действий. Их раздражало то, что Совнарком, заигрывая с левыми эсерами, жертвует возможностями ВРК бороться с контрреволюцией. Отражением напряженности, возникшей между радикально настроенным ВРК и более осторожным Совнаркомом, стала вооруженная демонстрация, которую ВРК организовал и вознамерился провести, без санкции Совнаркома, чтобы противопоставить шествию в поддержку Учредительного собрания 28 ноября (8). Не готовый к подобной лобовой атаке и, вероятно, опасавшийся последствий, к которым могла привести физическая, а то и кровавая конfrontация двух демонстраций, Совнарком отменил акцию ВРК. Многие военревкомовцы были, без сомнения, в ярости от подобного публичного унижения, усугубленного публикацией в «Рабочем и солдате» их призывов к контрдемонстрации и «выволочкой», которую, по поручению Совнаркома, им устроил Владимир Бонч-Бруевич (9). Судя по объявлению, сделанному Вячеславом Молотовым на заседании исполкома Петросовета 29 ноября, в тот день или накануне ночью ВРК принял решение о самоликвидации (10).

Как связан вопрос об отношениях большевиков и левых эсеров с распуском ВРК и созданием ВЧК? Теперь мы видим, что, вероятно, ВРК принял решение о самороспуске не потому, что считал свою роль исчерпанной, а потому что его радикальное большевистское руководство было недовольно поведением Совнаркома. Мы также видим, что для Совнаркома решающим фактором, заставившим его принять самоликвидацию ВРК и пойти на создание ВЧК, было осознание того, что для успешной борьбы с чиновничим саботажем и, что более существенно, с той опасностью, которую представляли для Советской власти сторонники Учредительного собрания, ему необходим временный орган, свободный от вмешательства со стороны левых эсеров. В подготовленном в 1922 г. для внутреннего пользования и долго остававшемся недоступным историкам докладе об организационных вопросах, связанных с деятельностью ВЧК, Лацис признавал значение «левоэсеровской проблемы» в принятии решения о создании ВЧК. Левые эсеры, в его интерпретации, «сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая свою “общечелове-

ческую" мораль, гуманность и воздержание от ограничения права свободы слова и печати для контрреволюционеров. Для руководителей Советской власти становилось ясным, что совместно с ними будет немыслимо повести борьбу с контрреволюцией. Поэтому выдвигалась мысль о создании нового органа борьбы с контрреволюцией вне Военно-революционного комитета, куда бы не входили левые с.-р.» (11).

Для того чтобы оценить значение левоэсеровского фактора в ликвидации ВРК и создании ВЧК, необходимо реконструировать ход переговоров между большевиками и левыми эсерами по вопросу о формировании правительственной коалиции. 16 ноября Свердлов доложил на заседании Совнаркома о дискуссиях, которые состоялись у него в тот день в левоэсеровской фракции нового, объединенного, ВЦИКа по поводу возможной коалиции большевиков и левых эсеров, и их обнадеживающих результатах. Привлеченный перспективой расширения правительства перед решающей схваткой с Учредительным собранием, а также вдохновленный результатами сотрудничества с левыми эсерами в рамках ВЦИКа, Совнарком избрал делегацию, призванную закрепить и развить успех Свердлова (12).

Делегация приступила к переговорам на следующий день. К тому моменту левые эсеры были разгневаны произведенным большевиками накануне распуском Петроградской городской думы. Они были уверены, что сумеют сохранить большинство в новом, объединенном, ВЦИКе, когда реорганизация его полностью завершится. Кроме того, они надеялись иметь достаточное количество номинально эсеровских крестьянских голосов в Учредительном собрании, чтобы играть в нем решающую роль. Поэтому они дали понять большевикам, что цена их вхождения в Совнарком будет высока. Вначале они настаивали на том, что левым эсерам должны быть отданы посты наркомов внутренних дел, военных дел, железнодорожных дел и юстиции (помимо наркомата земледелия, уже возглавляемого левым эсером Колегаевым). Наряду с вопросами, касающимися крестьянства и земельной реформы, эсеры испытывали особенно пристальный интерес к строительству вооруженных сил, способных встать на страже революции в России и поддержать социалистические восстания за рубежом. Это заставляло их проявлять особую настойчивость в борьбе за право контроля над наркоматом по воен-

ным делам. Не меньшее значение они придавали созданию в России справедливой системы революционного законодательства, что объясняло их упорство в продвижении кандидатуры Штейнберга на пост наркома юстиции.

Совершенно очевидно, что уступить все эти посты левым эсерам для большевиков-переговорщиков было неприемлемо. Кроме того, новые провокационные акты со стороны большевиков, совершенные ими во второй половине ноября, способствовали дальнейшему росту раздражения левых эсеров и неоднократно заводили переговоры в тупик, подчас грозя и вовсе развалить их. Среди этих актов, всякий раз вызывавших горячий протест со стороны левых эсеров, были арест членов Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание, объявление кадетов партией «врагов народа», арест руководителей кадетской партии и разгон с помощью вооруженной силы первого частного совещания делегатов Учредительного собрания. Таким образом, переговоры затянулись почти на три недели. Наконец, 7 декабря Совнарком, первым вопросом повестки дня рассмотрев последние условия левых эсеров по вхождению в правительство, счел, что они приемлемы с некоторыми поправками. Русский историк-эмигрант Анатолий Разгон, подробнее других изучивший историю этих переговоров, утверждает, что вопрос о *равенстве* распределения ключевых наркомовских постов между большевиками и левыми эсерами, на котором настаивали последние, все еще обсуждался (13). Возможно и так. Однако к тому моменту было уже ясно, что во ВЦИКе большевистское большинство будет восстановлено. Левоэсеровские лидеры полагали, что участие в правительстве Ленина дает им шанс, возможно единственный, обуздать экстремизм большевиков и сыграть заметную роль в деле продвижения революции в России и за ее пределами. Петроградские рабочие, солдаты и матросы, чьи симпатии были на стороне левых эсеров, также оказывали на них давление, подталкивая к вхождению в Совнарком (14). К тому же, одно из главных условий левых эсеров, поддержка их программы земельной реформы, было принято большевиками (15). Поэтому 9 декабря левые эсеры согласились войти в Совнарком на большевистских условиях, хотя они были и далеки от равенства. Вскоре после этого компании Колегаеву (нарком земледелия) в правительстве составили Штейнберг (нарком юстиции)

и еще шесть наркомов-левых эсеров (16). Помимо этого, левые эсеры были введены в состав всех коллегий наркоматов и в другие центральные правительственные учреждения. В результате, накануне созыва Учредительного собрания левые эсеры занимали примерно четверть постов в Совнаркome и около трети мест во ВЦИКе, будучи также заметно представлены во всех других органах Советской власти.

Представленная на этом фоне, становится ясно видна главная причина замены ВРК на ВЧК, а также той спешки, которую проявил Совнарком, создавая новый орган 7 декабря — день, когда левоэсеровские условия формирования правительства «с некоторыми поправками» были приняты большевиками. Суть была такова: Штейнберг должен был возглавить потенциально беспокойный Наркомат юстиции, и для Ленина было принципиально важно, чтобы ВЧК — состоящая исключительно из надежных большевиков и подчиненная напрямую Совнаркому, в котором сохранялось преимущество большевиков — приступила к работе до того, как это произойдет. Официальное извещение о создании ВЧК было опубликовано в «Известиях» 10 декабря (17). Оно доводило до сведения читателей, что штаб-квартира нового органа разместится на Гороховой, 2. До Февральской революции по этому адресу располагались приемная градоначальника Петербурга, городская полиция и печально известная охранка — Охранное отделение Департамента полиции.

Следует заметить, что ленинские опасения насчет Штейнberга полностью оправдались. Не прошло и недели после его вступления в должность, как он, без обсуждения с Совнаркомом, издал 15 декабря декрет, в соответствии с которым все заключенные из Смольного и тюремных помещений революционного трибунала должны были быть переведены в одну из пяти главных городских тюрем. Там специальные временные комиссии, созданные по согласованию с Петроградским и районными советами, должны были рассмотреть их дела на предмет справедливости ареста и либо заключить до суда под стражу, либо освободить в течение 24 часов. Этим же комиссиям предписывалось произвести немедленно подобную ревизию заключенных во всех прочих тюрьмах Петрограда (18). Позволить этому декрету осуществиться значило подорвать уже начатую ВЧК практику *превентивных* арестов и изоляции политических оппонен-

тов — не в наказание за конкретные контрреволюционные акты, а для предотвращения возможных проблем с их стороны. Поэтому для Ленина, Дзержинского и их единомышленников опубликование декрета Штейнберга было равносильно объявлению войны. Более того, на следующий день Штейнберг дал интервью прессе, в котором сообщил о своем намерении лично посетить Смольный и ревтрибунал, чтобы выпустить на свободу заключенных, не виновных в каких-либо конкретных преступлениях (19).

На следующий день Штейнберг издал еще один декрет, в котором содержался перечень учреждений, имеющих право санкционировать и осуществлять обыски и аресты, а также предписывалось обо всех неправомерных действиях со стороны этих учреждений сообщать в их вышестоящие организации и ему лично (20). ВЧК входила в этот перечень. Однако предписание направлять жалобы ему лично ясно говорило о намерении Штейнберга осуществлять контроль над ВЧК в соответствии с критериями, определенными народным комиссаром юстиции. Это намерение обозначилось еще более отчетливо чуть позже, когда Штейнберг распорядился все материалы ВЧК присыпать ему на просмотр (21). Получив отказ, Штейнберг направил официальное прошение в Совнарком о предоставлении ему права инспектировать работу ВЧК. Это прошение также было отклонено (22). Продолжая гнуть свою линию, нацеленную на искоренение произвола в осуществлении революционного правосудия, Штейнберг назначил своего заместителя, тоже левого эсера, Александра Шрейдера ответственным за подготовку свода российских революционных законов и инструкций для революционных трибуналов, призванных систематизировать их структуру и порядок работы.

Между тем, в условиях эскалации политической напряженности, вызванной задержкой созыва Учредительного собрания и началом сепаратных переговоров о мире с Германией, ВЧК только усилила преследование политических оппонентов. Так, 16 декабря в штаб-квартире Союза защиты Учредительного собрания были арестованы 15 умеренных социалистов (23). Спустя чуть более суток, с санкции ВЧК, был арестован и заключен в тюрьму Николай Авксентьев (24). На следующий день Дзержинский издает приказ о немедленном аресте и предании суду революционного трибунала еще

одиннадцати лидеров оппозиции и делегатов Учредительного собрания, среди которых Ираклий Церетели, Виктор Чернов, Федор Дан, Л. М. Брамсон, Матвей Скобелев, Абрам Гоц и Владимир Розанов (25). А вечером того же дня (18 декабря), очевидно, в надежде схватить кого-нибудь из указанного списка, вооруженный отряд во главе с сотрудником ЧК устраивает обыск в штаб-квартире Союза защиты, где на рабочее совещание собрались 135 представителей оппозиционных партий и умеренно-социалистических делегатов от фабрик, профсоюзов, воинских частей, районных дум и Петросовета. Организаторы этого совещания договорились заранее, что, в случае чекистского рейда, они не будут называть своих имен и постараются продолжить заседание. Поэтому они проигнорировали приказ чекиста переписать имена и адреса всех присутствующих и продолжали заседать как ни в чем не бывало. Тогда чекист объявил всех арестованными и поставил в дверях охрану, чтобы никто не сбежал.

Новость об арестах в штабе Союза защиты сообщил на вечернем заседании Совнаркома Ленин (26). Судя по всему, хотя в протокольных записях это и не отразилось, Совнарком постановил, что после опознания все задержанные, не упомянутые в списке Дзержинского, должны быть отпущены (27). Вооружившись этим мандатом, Штейнберг и Карелин поспешили на место происшествия, чтобы попытаться разрешить ситуацию, которая принимала все более взрывоопасный характер. Не обращая внимания на чекиста и его отряд, они пояснили собравшимся, что их группа также выступает против «террора», но считает своим долгом подчиняться распоряжениям законного правительства и обращается к участникам совещания с просьбой назвать свои имена, с тем чтобы разрешить очевидное недоразумение мирным путем. Их призывы собравшиеся также отвергли и с вызовом настаивали на том, чтобы их проводили в тюрьму. Тогда Штейнберг обратился к председательствующему и попросил его засвидетельствовать, пусть устно, что в зале нет никого из тех, кто фигурирует в приказе Дзержинского об аресте. Получив отказ, Штейнберг и Карелин решили положить конец тупиковой ситуации, обязавшись лично подтвердить, что это действительно так, и отпустив всех.

Отныне открытое, назревшее раньше срока столкновение между Штейнбергом и другими левыми эсерами в правительстве, с одной

стороны, и Дзержинским и наркомами-большевиками во главе с Лениным, с другой, становилось неизбежным. Оно произошло на заседании Совнаркома 19 октября, после того как Ленин, с опозданием, внес в уже переполненную повестку вопрос «об освобождении арестованных 18 декабря членов Общества защиты Учредительного Собрания по ордеру тов. Дзержинского народным комиссаром Штейнбергом» (28). Шесть из семи левых эсеров в правительстве присутствовали на этом заседании — небывало высокая явка. Однако большевики, среди которых были Ленин и Троцкий, численно пре восходили их более, чем вдвое. Дискуссию открыл Дзержинский, заявив, что своей акцией накануне вечером Штейнберг унизил и деморализовал его комиссию (29). Сухие строки протокола этого заседания не дают представления о накале страстей в развернувшихся дебатах. Завершились они, как и следовало ожидать, принятием резолюции, подтверждающей, что распоряжения комиссии Дзержинского могут быть пересмотрены только после подачи официальной апелляции в Совнарком. Резолюция также содержала пункт о вынесении выговора Штейнбергу и Карелину (30).

Левоэсеровские наркомы, впрочем, сдаваться не собирались. Во время обсуждения одного из вопросов Штейнберг даже пригрозил отставкой (31). Однако самое большее, чего левым эсерам удалось тогда добиться, это договориться отложить осуществление уже принятого решения, в том числе, о выговоре Штейнбергу (32). Эта неудача Штейнберга не остановила. Так, вскоре после этого он телеграфировал всем российским Советам свое распоряжение приостановить систематические репрессии на том основании, что Советская власть стабилизировалась и, следовательно, настало время ввести борьбу с контрреволюцией в рамки нового революционного законодательства (33). Однако и Совнарком продолжал гнуть свою линию, пытаясь помешать ему. Только в декабре-январе поднятые Штейнбергом вопросы относительно действий ВЧК одиннадцать раз обсуждались на заседаниях Совнаркома — и все безрезультатно (34).

Между тем, надежды большевиков на то, что им удастся сохранить ВЧК при себе как своего рода преторианскую гвардию, оказались недолговечными. В начале января 1918 г. Штейнберг, после безуспешных попыток добиться подотчетности ВЧК, попытался обуздать ее экстремизм изнутри, вынудив большевиков включить левых эсе-

ров в состав чекистского руководства. 4 января, после того как кандидатуры левых эсеров, попытавшихся войти в ВЧК, были отменены на том якобы основании, что членство в ней исключительно выборное, Штейнберг направил Дзержинскому письмо, в котором вежливо, но твердо заявил, что левые эсеры из Петросовета и ВЦИКа имеют право на места в руководстве ВЧК и это право должно быть соблюдено незамедлительно и без всяких выборов (35). 7 января требование Штейнberга рассмотрел Совнарком. Это было время накануне открытия Третьего Всероссийского съезда Советов, где поддержка левых эсеров имела для большевиков решающее значение. Это соображение, а также благодарность за помощь, которую левые эсеры оказали большевикам в деле роспуска Учредительного собрания 5/6 января, вероятно, объясняют ту уступку Штейнбергу, на которую пошли большевики, несмотря на возражения Дзержинского (36). На следующий день четыре левых эсера были утверждены членами коллегии ВЧК, а известный левоэсеровский деятель Вячеслав Александрович стал заместителем Дзержинского (37).

* * *

В течение первой декады декабря, параллельно со сколачиванием коалиции с левыми эсерами и формированием ВЧК, ЦК большевиков предпринял шаги по установлению контроля над своей многочисленной делегацией Учредительного собрания. На первый взгляд, могло показаться, что из всех проблем большевистского руководства это была самая незначительная. Однако для того, кто помнит о том, какие жаркие споры вызывало в ЦК в течение всего 1917 года обсуждение фундаментальных вопросов развития революции, а также об относительной независимости крупных,名义上 подчиненных ЦК, органов партии в тот период, наличие глубоких разногласий в партии по вопросу о роли Учредительного собрания не является неожиданностью. И в этом случае, как и раньше, речь шла о принципиально разном видении теоретических и стратегических составляющих проблемы Лениным и его товарищами в ЦК, с одной стороны, и умеренными большевиками во главе, по-прежнему, с Каменевым, с другой.

Как мы помним, в конце октября — начале ноября умеренные были разочарованы безуспешностью своих попыток способствовать созданию широкого социалистического коалиционного кабинета или хотя бы обеспечить реальную подотчетность Совнаркома ВЦИКу. После этой своей неудачи они оказались, добровольно или вынужденно, лишены руководящих позиций в партии и правительстве. При этом, однако, они не утратили ни веры в правильность и важность своего дела, ни решимости сделать все, что потребуется, чтобы вернуть партию с взятого ею курса на насилие и экстремизм на более умеренный путь. Во всяком случае, нарастание политических противоречий и хаоса в экономике в последующие недели ноября только укрепили их уверенность в том, что Ленин с Троцким ведут к революции, и страну к неизбежному краху. Свою последнюю надежду они возлагали на Учредительное собрание, которое неизменно рассматривали как единственную инстанцию, которая может решить вопрос о будущем политическом и социальном устройстве революционной России.

Ближе к концу ноября, когда вопрос о судьбе Учредительного собрания начал выходить на передний план, Каменев, Рыков, Миллютин и Ногин направили в ЦК заявление с просьбой о восстановлении на своих постах. Ни это заявление умеренных, известное в историографии как «Письмо 4-х», ни письменный ответ Ленина на него до сих пор не опубликованы и не рассекречены. Однако едва ли можно сомневаться в том, что стремление умеренных вернуться было продиктовано их желанием побороться за свои взгляды на Учредительное собрание внутри партийного руководства. Протокол заседания ЦК от 29 ноября, на котором обсуждалось заявление умеренных, дает понять, что оно было встречено отказом, потому что было очевидно, что их позиция не изменилась и что, как сказал Урицкий, «совершенно нет гарантии, что, оставшись вновь в меньшинстве, они опять не выступят с такими же [как перед Октябрьским восстанием и во время переговоров с Викжелем] письмами и выступлениями» (38).

Тем не менее, у четверки еще оставались карты на руках. Дело в том, что практически все ведущие представители умеренных большевиков были избраны делегатами Учредительного собрания, поскольку избирательные списки большевистской партии формирова-

лись в конце сентября, когда влияние умеренных было на пике. Предсказать, как делегация в целом поведет себя в отношении Учредительного собрания в сложившихся условиях, было невозможно. Однако умеренные подбадривали себя тем, что во время Демократического совещания в конце сентября 1917 г. значительное большинство большевистской делегации, бывшей, по существу, последним официальным собранием руководителей партийных организаций страны (эквивалентным по численности партийному съезду), выступило на их стороне по вопросу о Предпарламенте против Троцкого и ленинистов (39).

Многое из того, что касается кампании умеренных большевиков по поддержанию в партии незыблемости авторитета Учредительного собрания в то время, остается неясным. Известно лишь, что на первом организационном собрании большевистских делегатов Учредительного собрания, состоявшемся в начале декабря в Таврическом дворце, после замечаний Ленина об отношении ЦК и Совнаркома к Учредительному собранию, умеренные получили большинство на выборах во Временное бюро фракции. В его состав вошли Каменев, Ногин, Рыков, Милютин, Рязанов и Ларин — короче говоря, большинство из тех, кто в начале ноября покинул высшие посты в партии и правительстве (40).

Под руководством этого умеренного бюро, большевистская фракция начала проводить собственную линию, основанную на принципе верховенства Учредительного собрания как высшей инстанции, определяющей дальнейшую политическую судьбу России. Игнорируя принятые на заседании ЦК 29 ноября и, несомненно, доведенное до них сведения Лениным решение о нецелесообразности преждевременного вызова в Петроград всего большевистского делегатского корпуса, фракция дала задание Временному бюро обеспечить немедленную явку всех недостающих делегатов. Тем временем, бюро должно было начать подготовку проекта законодательства для представления на рассмотрение Учредительного собрания. Фракция также проголосовала за немедленный созыв всероссийского партийного съезда или конференции для выработки партийной линии по отношению к Учредительному собранию. В ожидании решений этого партийного форума, делегация выступила против попыток Совнаркома контролировать процесс созыва Учредительного собрания и определять его структуру (41).

Расхождения в действиях между ЦК большевиков и большевистской фракцией Учредительного собрания, проявившиеся в этих шагах умеренных, стали главной темой обсуждения на заседании ЦК 11 декабря (42). На нем было принято решение немедленно вызвать в Петроград всю партийную делегацию Учредительного собрания. Также было решено, что на следующий день (12 декабря) на одобрение фракции будет представлен написанный Лениным проект «Тезисов по вопросам Учредительного собрания». Существующая республика Советов, говорилось в этих «Тезисах», представляет собой значительно более высокую форму демократии, чем буржуазная республика и Учредительное собрание. Единственная возможность разрешить кризис, вызванный противоречиями между общими итогами выборов в Учредительное собрание и народными чаяниями, заключается в максимально широком использовании перевыборов и безоговорочном признании Советской власти Учредительным собранием (43). Иначе говоря, «Тезисы» представляли собой строгий запрет на отношение к Учредительному собранию как к легитимному выражению воли народа, т. е., так, как относились умеренные большевики. Учредительное собрание должно было быть лишено власти и влияния, но при этом состояться. Наблюдать за тем, чтобы в своей дальнейшей деятельности большевистская фракция руководствовалась этими принципами, было поручено Бухарину и Сокольникову. На том же заседании ЦК 11 декабря была принята еще одна, также написанная Лениным, резолюция о необходимости избрать новое Временное бюро. Требование прежнего бюро о созыве партийного съезда или конференции даже не рассматривалось (44). В связи с этим, едва ли можно считать совпадением тот факт, что в тот же самый день (11 декабря) Каменев, Рыков, Рязанов, Ларин и Милютин были выведены из состава большевистской фракции ВЦИК (45).

О заседании большевистской делегации Учредительного собрания, состоявшемся 12 декабря, известно немногое. Согласно извещению, посланному Свердловым Временному бюро, заседание было перенесено из Таврического дворца в Смольный, с тем чтобы в нем могли принять участие члены ЦК (46). Это обстоятельство, а также то, что делегаты, еще не прибывшие в Петроград, не успевали на это заседание, давало ленинистам огромное преимущество. Повестка дня заседания, одобренная накануне Центральным Комитетом, включала

доклад представителя ЦК (несомненно, предусматривавший разнос поведения фракции), рассмотрение ленинских «Тезисов» и выборы нового бюро — в таком порядке (47). Известно, что Ленин лично представил собравшимся свои «Тезисы», и они были одобрены (48). Что же касается выборов нового бюро, то все, что о них известно, это то, что председателем, вместо Каменева, был избран Александр Шляпников (49). Умеренное крыло партии потерпело новое сокрушительное поражение.

* * *

Главный пункт ленинских «Тезисов» об Учредительном собрании — мысль о том, что любая форма государственного устройства, предложенная Учредительным собранием, будет непозволительным шагом назад от республики Советов, созданной народом в ходе Октябрьской революции, — лег в основу энергичной пропагандистской кампании, которую вели среди петроградских рабочих и солдат большевики, а также левые эсеры во второй половине декабря 1917 г. и в первые дни нового года. В начале этой кампании, 20 декабря, Совнарком, под давлением левых эсеров, принял решение созвать Учредительное собрание 5 января — при условии, что необходимые 400 делегатов будут к тому времени на месте (50). Двумя днями позже это решение было подтверждено резолюцией ВЦИКа. Одновременно, явно в противовес Учредительному собранию (если такая необходимость возникнет), ВЦИК назначил созыв всероссийских съездов Советов рабоче-солдатских и крестьянских депутатов на 8 и 12 января соответственно (51).

Вопросы, касающиеся открытия и работы Учредительного собрания, должны были обсуждаться на заседании Совнаркома 2 января. Однако это обсуждение было отложено до совместного чрезвычайного заседания центральных комитетов большевиков и левых эсеров, которое должно было состояться тем же вечером, но позднее (52). Информации об этом заседании сохранилось мало, хотя с уверенностью можно сказать, что там обсуждались ленинская Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа и сопровождавший ее закон. На следующий день, 3 января, и то, и другое без

возражений было принято ВЦИК, а 4 января опубликовано в «Правде». Подготовленная для первоочередного принятия Учредительным собранием, Декларация была призвана с самого начала и самым решительным образом противопоставить Советы и Учредительное собрание, исключив всякую возможность для консолидации власти последнего. В категорической форме Декларация провозгласила, что Россия была и остается Республикой Советов и что вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам. Она безоговорочно подтвердила все важнейшие внутри- и внешнеполитические законы и мероприятия Советского правительства, а на случай, если что-то было упущено, предусмотрела отказ от любых законодательных претензий со стороны Учредительного собрания. В сопровождавшем Декларацию законе подчеркивалось, что любая попытка отдельного лица или учреждения, в том числе Учредительного собрания, взять на себя те или иные функции государственной власти будет расценена как контрреволюционный акт и подлежит подавлению любыми средствами, включая применение вооруженной силы (53). Недвусмысленность посыла была очевидной: либо Учредительное собрание добровольно уступает свои полномочия и покидает сцену, либо его заставят это сделать. В этом состояло серьезное тактическое отличие Декларации от более ранних ленинских «Тезисов» по Учредительному собранию, которые предусматривали возможность широкого сотрудничества Советов и Учредительного собрания при главенстве Советов.

* * *

Пока большевики и левые эсеры готовили сцену для скорой кончины Учредительного собрания, их оппоненты — особенно эсеры, поскольку фракция меньшевиков была совсем малочисленной — продолжали подготовку к его работе. Правда, после событий 28 ноября у эсеровского ЦК были серьезные сомнения в том, что Учредительному собранию все-таки будет позволено собраться (54). Тем не менее, в течение первой половины декабря эсеровские делегаты, прибывшие в Петроград из провинции, продолжали регулярно собираясь, нередко в их импровизированном общежитии на Болотной

улице (55). Ближе к середине месяца, когда эсеровская делегация в столице насчитывала уже примерно 150 человек, она собиралась ежедневно, чтобы обсудить и пересмотреть проект законодательства, отобрать кандидатуры выступающих, проинструктировать их и даже отрепетировать выступления главных докладчиков. Были созданы различные комиссии, распределившие между собой такие задачи, как координация агитационной и пропагандистской работы в Петрограде; установление и поддержание связей с Советами и партийными организациями в провинции; координация деятельности эсеровской фракции с другими фракциями Учредительного собрания, включая левых эсеров (это была задача межфракционной комиссии); подготовка и публикация ежедневных бюллетеней, брошюр и листовок; написание проектов базовых законов, касающихся формы политической власти и политического устройства новой России, а также основ экономической и социальной реформ. Эсеры считали принципиально важным как можно раньше продемонстрировать подлинное лицо большинства Учредительного собрания и даже записали эту задачу первым пунктом в резолюции, принятой четвертым съездом их партии, состоявшимся в начале декабря (56).

Так, самыми важными комиссиями у эсеров были комиссия по основным законам и специальный комитет первого дня, единственным назначением которого было строить планы открытия Учредительного собрания и координировать стратегию и тактику первого заседания (57). Уже 18 декабря эсеровская фракция одобрила проект предложенной комитетом декларации, которая официально приветствовала факт свержения политической и юридической системы царизма; навечно дезавуировала самодержавие как форму правления; провозглашала Россию демократической федеративной республикой и подчеркивала, что до момента принятия основных законов вся государственная власть в стране принадлежит Учредительному собранию (58).

В конце месяца большая часть проектов реформенного законодательства, написанных комиссией по фундаментальным законам, была рассмотрена и одобрена преимущественно центристским бюро эсеровской фракции, и основные мысли этих проектов были включены в краткий программный манифест, получивший широкое хождение (59). Этот манифест призван был привлечь внимание к мерам,

разработанным или разрабатываемым фракцией для немедленного осуществления Учредительным собранием. Для решения вопроса о мире предлагалось создать представительную делегацию, способную вести переговоры на высшем уровне со всеми воюющими державами. Целью этих переговоров должно было стать скорейшее заключение всеобщего мира, без победителей и побежденных. Но еще до окончания этих переговоров все желающие военнослужащие должны были быть демобилизованы, а российская армия переведена на добровольную основу. Национальный вопрос предполагалось решать путем самоопределения национальных меньшинств внутри Российской федеративной демократической республики. Что касается аграрной реформы, имевшей принципиальное значение для эсеров, то манифест предусматривал, что еще до начала осенней страды все частнособственнические земли будут перераспределены земельными отделами между трудящимися крестьянами в соответствии с принципом равного землепользования и без компенсации владельцам. В сфере промышленности предусматривалось введение государственного регулирования и контроля при самом широким участии рабочих организаций, а со временем, переход управления производством в руки самих трудящихся. Манифестом также предусматривалось законодательное перекладывание бремени выплаты военных долгов с трудящихся на собственнические классы; введение восьмичасового рабочего дня, минимальной заработной платы и всех форм социального страхования; ведение активной борьбы с безработицей и обеспечение масс предметами первой необходимости. Из манифеста было видно, как далеко влево готово зайти большинство эсеровской фракции и бюро, для того чтобы привлечь голоса сторонников Советской власти. Если сравнить пункты манифеста с программой умеренных большевиков до и сразу после свержения Временного правительства, то, возможно, единственным отличием будет отсутствие требования исключения несоциалистических партий из состава правительства (60). Неслучайно убежденный правый эсер, аграрий Николай Огановский презрительно окрестил деятельность бюро фракции «викжелистой» (61).

Около 20 декабря, когда была объявлена дата открытия Учредительного собрания, эмиссары эсеровской межфракционной комиссии встретились с Штейнбергом, Карелиным и Колегаевым, чтобы про-

зондировать почву на предмет возможного сотрудничества. Николай Святицкий, один из эмиссаров, позже вспоминал, что у них был долгий, напряженный спор, после которого левые эсеры дали ясно понять, что они «по другую сторону баррикад», т. е., с большевиками (62). Еще бы! Кроме того, нужно отметить, что многие левые эсеры надеялись, что им удастся привлечь на свою сторону достаточно большое количество номинально эсеровских крестьянских делегатов, чтобы играть в Учредительном собрании *самостоятельную* решающую роль.

И до, и после этой неудачи руководство партии эсеров неизменно поддерживало забастовки госслужащих, требующих немедленного созыва Учредительного собрания, и стремилось использовать все возможности, чтобы расширить агитацию в его пользу среди петроградских рабочих, солдат и матросов, в частности, силами Союза защиты Учредительного собрания (63). Оно также пыталось воздействовать на большевиков с помощью крестьян, поддерживающих Учредительное собрание. Отражением этих усилий может служить телеграмма, подписанная Черновым от лица старого, эсеровского ЦИК Советов крестьянских депутатов, которая получила хождение в сельских районах в конце декабря. В этой телеграмме Чернов утверждал, что назначение советскими властями Третьего Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов на 15 января, т. е., много позже Учредительного собрания (5 января), а Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов на 8 января направлено на то, чтобы лишить крестьян решающего голоса и облегчить подавление Учредительного собрания. Через голову нового, объединенного, ВЦИКа старый ЦИК Советов крестьянских депутатов перенес дату крестьянского съезда на 8 января — так, чтобы он совпал со съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Затем он обратился к верным Учредительному собранию крестьянским Советам с призывом прислать своих представителей в Петроград, снабдив их политическими инструкциями на предмет поддержания неприкосновенности Учредительного собрания до 5 января — несомненно, чтобы противостоять возможным посягательствам на него со стороны сторонников Советской власти (64).

Впрочем, это было и все. Невзирая на усилия, предпринимаемые Союзом защиты и эсеровской военной комиссией с целью обес-

печить безопасность Учредительного собрания, руководство партии эсеров опасалось вести серьезные приготовления к защите из навязчивого страха, что они могут спровоцировать правительство на ответные действия. В ответ на настойчивые призывы военной комиссии перейти, наконец, от заслушивания докладов и подготовки резолюций к вопросам безопасности оно заявило, что поскольку Учредительное собрание было избрано всем народом для устройства новой политической системы и жизни в России, то его защита также есть дело народа (65).

К тому же, многие эсеровские лидеры считали Учредительное собрание настолько священным, что просто не могли представить, что кто-то попытается посягнуть на него (66). Борис Соколов, член военной комиссии эсеров, позже признавал, что деятели типа него, предпочитавшие активные и даже превентивные меры в защиту Учредительного собрания, составляли незначительное меньшинство эсеровской фракции и вызывали раздражение большинства. Поэтому, когда военной комиссией был одобрен план другого ее члена, Федота Онипко, состоявший в организации похищения или убийства главных руководителей большевиков, эта идея была немедленно заблокирована эсеровским ЦК на том основании, что «безумные террористические акты» могут «вызвать такое возмущение среди рабочих и солдат, что это может окончиться всеобщим погромом интеллигенции» (67). Еще 12 декабря ЦК партии эсеров, всерьез обеспокоенный тем, что агрессивные шаги личностей типа Соколова могут дать Совнаркому повод отменить Учредительное собрание, специальным постановлением запретил террористические акты и сформировал особую комиссию, призванную «обследовать работу тех товарищей, которые заняты организацией обороны Учредительного собрания» (68).

Однако принятая в тот же день (12 декабря) резолюция Семеновского полка, выразившая поддержку Учредительному собранию как «полновластному хозяину земли Российской» (69), вероятно, приободрила военную комиссию. Примерно в это же время Союзу защиты Учредительного собрания удалось наладить выпуск ежедневного «Бюллетеня Всероссийского союза защиты Учредительного собрания», а ближе к концу месяца и военная комиссия сумела издать несколько номеров своей собственной газеты для солдат отъяв-

ленно антибольшевистского толка «Серая шинель» (70). Представители многочисленных петроградских заводов и фабрик регулярно принимали участие в рабочем совещании, а также в различных лекциях и дискуссиях, организованных Союзом защиты Учредительного собрания. Хотя значение этих мероприятий невозможно просчитать или оценить с точки зрения готовности к политическому действию, ясно, что эсеры пользовались немалым влиянием среди рабочих ряда важнейших предприятий, в том числе государственной типографии и Обуховского оружейного завода. Так, 28 декабря рабочие Обуховского завода отказались принимать резолюцию о безоговорочной поддержке Советской власти, а вместо нее приняли заявление, осуждающее внешнюю и внутреннюю политику Совнаркома как ведущую страну и революцию к неизбежному краху. Провозгласив в заявлении, что Учредительное собрание является последней надеждой революции, обуховцы потребовали немедленного его созыва (71).

Эсеровская военная комиссия очень хотела создать что-то вроде собственной красной гвардии, но, как горестно признавал Соколов, «на бумаге у нас числилось до двух тысяч рабочих дружиинников, но именно только на бумаге» (72). Им удалось перебросить в Петроград несколько сот вооруженных солдат и офицеров с фронта. Предполагалось, что часть из них будет использована для укрепления настроений в поддержку Учредительного собрания в Семеновском и Преображенском полках, а остальные, будучи официально прикреплены к фиктивному солдатскому университету, сформируют летучие боевые отряды, готовые выступить 5 января. Эти шаги, однако, также были отвергнуты ЦК партии эсеров как слишком опасные (73).

Одновременно руководство Союза защиты Учредительного собрания начало прорабатывать планы мирной массовой военно-гражданской демонстрации в поддержку Учредительного собрания, совпадающую по времени с его открытием 5 января. 29 декабря эти планы получили одобрение на четвертом заседании организованного Союзом рабочего совещания. Их практическое воплощение, начавшись на этом заседании, было продолжено на следующем, 3 января (74). Похоже, что, по крайней мере, некоторые из организаторов этого марша надеялись, что он может перерасти в вооруженное восстание под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Опи-

сывая очень подробно планы шествия, Борис Соколов утверждал, что, чем ближе была дата открытия Учредительного собрания, тем выше были шансы на то, что в нем примет участие значительное количество рабочих и солдат. Основу солдатского участия должны были составить Семеновский и Преображенский полки, а также 5-ый дивизион бронемашин. Однако даже он признавал, что говорить о чем-то с уверенностью нельзя (75). В любом случае, когда эти планы были представлены ЦК партии эсеров на утверждение, последний, не вняв аргументам об их перспективности, наложил абсолютный запрет на вооруженное шествие и потребовал, чтобы даже солдаты оставили оружие в казармах, дабы избежать всякой возможности кровопролития (76).

* * *

В это же время советские власти обратились к рабочим и солдатам с призывом воздержаться от участия в любых демонстрациях в поддержку Учредительного собрания. Высшие органы партии большевиков в решении вопросов безопасности участия не принимали. И Центральный, и Петербургский комитеты партии были всецело поглощены обсуждением возможных последствий для перспектив мировой революции сепаратного мира, рассмотрением условий которого занимались советская и германская делегации (77). Между тем, находившиеся в распоряжении правительства органы и силы безопасности были дезорганизованы. ВРК был распущен, а процесс создания ВЧК находился еще вrudиментарном состоянии. Будучи замыслена как всероссийский орган, она пока могла действовать только в пределах столицы, но даже и там ее влияние, в силу ряда причин, было ограничено. В Петрограде действовало несколько постоянных учреждений, чьи функции и полномочия пересекались с функциями и полномочиями ВЧК. Среди них были следственная комиссия революционного трибунала при Петроградском Совете (прежде — военно-следственная комиссия ВРК) (78), чрезвычайная комиссия безопасности Петрограда (во главе с Георгием Благонравовым), комитет по борьбе с погромами (во главе с Бонч-Бруевичем) — все только недавно созданные (79) — а также те или иные районные

следственные комиссии, некоторые из которых были еще в проекте. Эти и прочие органы безопасности действовали независимо друг от друга и находились в разной степени неорганизованном состоянии.

Кроме того, в этот период у ВЧК практически не было своей вооруженной силы. Даже при проведении небольших операций она была вынуждена в основном полагаться на недисциплинированные, зачастую необученные и плохо поддающиеся контролю красногвардейские отряды, многие из которых существовали при районных Советах. Следует также отметить, что вначале руководители ВЧК, включая Дзержинского, принципиально избегали использовать «методы охранки»: услуги тайных осведомителей, агентов-провокаторов и т. д. Они надеялись, что им будет достаточно бдительных рабочих, которые станут глазами и ушами ВЧК (80). Так что, даже в том, что касалось сбора тайной информации, польза от ВЧК была ограниченной. Эта изначальная стойкая неприязнь ко всему, что хоть как-то напоминало о ненавистной охранке, помогает объяснить те огромные трудности в подборе лояльных и квалифицированных сотрудников, с которыми столкнулась ВЧК на этом раннем этапе своего существования и которые продолжала испытывать в течение почти всего 1918 года. Конечно, острую нехватку надежных кадров испытывали все советские учреждения. Однако кадровая проблема ВЧК имела уникальное свойство, о котором позднее вспоминал Яков Петерс, в 1918 г. — член президиума ВЧК. Он писал, что для старых большевиков слишком свежи еще были воспоминания об агентах царской охранки — тех, что боролись с рабочими, производили обыски, ссылали неугодных в Сибирь, отправляли в застенки и на виселицы. Пришла новая власть — и все начинается сначала: снова обыски, аресты, насилие. Многие просто не видели разницы между репрессиями в прошлом и в настоящем и отказывались служить в органах ВЧК (81). Трудности, связанные с призывом на службу в ВЧК большевиков и даже беспартийных рабочих, помогают объяснить, почему в ее ряды сумело просочиться так много бывших агентов охранки и просто преступников, а также почему, с точки зрения Советского правительства, ее возможности как органа безопасности были изначально ограничены. Несколько месяцев спустя один из руководителей ВЧК, Иван Полукаров, в официальном отчете так

описывал этот период: «Не было сил, умения, знания, и размер комиссии был незначительным» (82).

Ввиду этого, важная роль в обеспечении безопасности Советской власти в Петрограде во время Учредительного собрания выпадала президиуму Петроградского Совета, который, в свою очередь, возлагал надежды на помочь районных Советов, отрядов красногвардейцев и латышских стрелков, отдельных частей Петроградского гарнизона и балтийских матросов. Это видно из протоколов заседаний президиума, состоявшихся в конце декабря — начале января (83). 31 декабря, меньше чем за неделю до назначенной даты открытия Учредительного собрания, президиум собрался, чтобы обсудить вопросы безопасности. После того как главный докладчик по этой теме откровенно заявил, что на существующие военные силы положиться нельзя, вербовку пятисот самых проверенных, стойких и опытных товарищей в так называемый «Первый революционный пулеметный батальон Кольта». По замыслу было решено начать, невзирая на праздники, не позднее 2 января экстренную президиума, батальон в таком составе был бы надежным вооруженным подразделением, пригодным для решения особенно важных задач. Члену президиума, большевику Петру Залуцкому было поручено без промедления поставить в известность о кризисе безопасности районные Советы (84).

Поздно вечером первого дня нового 1918 года произошло событие, которое только усилило тревоги советских властей в Петрограде и еще больше раскалило и без того взрывоопасную политическую атмосферу. Автомобиль, в котором Ленин возвращался с выступления перед красногвардейцами, отправляющимися на Дон сражаться с войсками генералов Корнилова, Алексеева и Каледина, был обстрелян неизвестным. Ни сам Ленин, ни его пассажиры — сестра Мария и швейцарский социал-демократ Фриц Платтен — серьезно не пострадали; злоумышленник скрылся. Однако советские власти сразу же решили, что за попыткой убийства стоят правые эсеры. На следующий день в помещении газеты «Воля народа», главного печатного органа правых эсеров, был произведен обыск, а члены редакции и бюро эсеровской фракции Учредительного собрания Питирим Сорокин и Андрей Аргунов арестованы (85).

По личной просьбе Ленина, расследование инцидента было поручено возглавляемому Владимиром Бонч-Бруевичем комитету по борьбе с погромами, а не ВЧК или чрезвычайной комиссии безопасности Петрограда (86). Результаты расследования по делу, собранные в соответствующей папке, содержат не всю информацию. В 1935 г., когда НКВД обратился к Бонч-Бруевичу с просьбой прояснить некоторые детали в деле одного из предполагаемых участников заговора против Ленина, тот в секретном письме ответил, что попытка покушения была организована и осуществлена группой молодых фронтовых офицеров-идеалистов, прибывших в Петроград защищать Учредительное собрание (87). 22 января они были схвачены, и непосредственные участники покушения признали свою вину. Остальные арестованные, среди которых было несколько активных членов Союза кавалеров ордена Св. Георгия, вскоре были отпущены. Дела сознавшихся были переданы в следственную комиссию революционного трибунала. Однако во время германского наступления в конце февраля 1918 г. узники официально попросили предоставить им возможность искупить свою вину в бою и, с одобрения Ленина, были амнистированы и отправлены на фронт (88).

В первые дни января 1918 г. очень многие петроградские рабочие и рядовые военнослужащие трактовали попытку покушения на Ленина как проявление борьбы между Учредительным собранием и Советской властью. Но даже в этих условиях некоторые крупные части Петроградского гарнизона подтвердили свое намерение поддержать Учредительное собрание. Особое беспокойство большевиков, вероятно, вызвала клятва верности Учредительному собранию, провозглашенная Преображенским полком (89) — из-за близости его казарм к Таврическому дворцу. И хотя его верность зависела от принятия Учредительным собранием законов о немедленном демократическом мире, равном, безвозмездном распределении земли между крестьянами и народном контроле в сфере промышленного производства и распределения, гарантии осуществления этих мер со стороны большинства эсеровской фракции уже были получены и стали достоянием широкой публики.

В ночь с 2 на 3 января состоялось экстренное совместное заседание ЦК большевиков и левых эсеров, посвященное Учредительному собранию (90). Последовавшая за ним общая дискуссия лево-

эсеровского руководства (в составе ЦК партии, фракции ВЦИК и делегации Учредительного собрания) по этому поводу признала «почти единодушно», что атака на Советскую власть со стороны правоэсеровских делегатов собрания должна получить решительный, организованный отпор «революционной демократии» и что «поскольку Учредительное собрание является органом, подвластным революции, проводящим в жизнь ее завоевания, он не пойдет в разрыв с Советами». В противном случае, «конфликт с Учредительным собранием, вернее, с фракцией правых эсеров — неизбежен» (91). Ясно, что внимание левоэсеровского руководства было сосредоточено на мерах, направленных на утверждение превосходства Советской власти.

Того же подхода придерживались большевики. 3 января, заслушав сообщение Зиновьева о демонстрации, которую Союз защиты Учредительного собрания готовился провести 5 января и которую Зиновьев охарактеризовал как часть заговора с целью свержения Советской власти, президиум исполкома Петросовета принял решение не пытаться запрещать шествие. В то же время, он обратился с публичным призывом к рабочим и солдатам не участвовать в нем, а также предупредил граждан вообще, что в случае, если демонстрация не окажется мирной, следует ожидать принятия самых крайних мер (92).

Позже в тот же день, выступая с большим докладом перед Петроградским Советом, Зиновьев с самого начала заявил, что большевики не обвиняют в попытке убить Ленина какую-то одну партию. Однако сам он в своем продолжительном докладе именно это и сделал, возложив ответственность непосредственно на правых эсеров. По мнению Зиновьева, индивидуальные террористические акты и стрельба в спину были их визитными карточками. Эсеровская пресса в открытую приветствовала все формы борьбы в их схватке не на жизнь, а на смерть с большевиками. И это понятно, пояснял он, ведь правые эсеры настолько обанкротились в глазах революционных масс, что единственное, что им осталось, это поднять оружие против лидеров рабочего класса. Вслед за Зиновьевым, якобы для того, чтобы прояснить факты, касающиеся попытки покушения на Ленина, на трибуну поднялся Бонч-Бруевич. Но вместо того, чтобы рассказать об инциденте, он — возможно, потому что 1 января его са-

мого не было в Петрограде, и его расследование этого дела еще не началось, — зачитал длинный список деяний правых эсеров, представлявших собой угрозу Советской власти. «Нами все будет сделано, чтобы избежать кровопролития [5 января], но пусть будет уверенность, что мы готовы отразить и подавить, если нужно, беспощадно, каждый направленный против нас удар», — заявил он и добавил, что каждый рабочий и солдат должен быть готов, если потребуется, взять дело защиты революции в свои руки (93).

Резолюция, принятая под шумное одобрение зала после выступления Бонч-Бруевича, обвинила правоэсеровскую печать в подстрекательстве к актам террора против представителей Советской власти и поставила «буржуа и их прислужников — правых эсеров» в известность, что новое насилие с их стороны получит ответ в виде массового террора (94). Еще одна резолюция, принятая на этом заседании, призвала рабочих оставаться 5 января на своих рабочих местах, а солдат — в казармах. Ближе к концу заседания выступили представители некоторых военных частей, чтобы опровергнуть сообщения о том, что войска гарнизона колеблются в выражении поддержки Советской власти и склоняются в сторону Учредительного собрания. Затем депутаты Петросовета единогласно предоставили Благонравову карт-бланш принимать любые меры, какие он сочтет нужными, для поддержания порядка в столице 5 января (95). Не менее однозначной была резолюция, практически без обсуждения принятая ВЦИКом: «Вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и советским учреждениям, — говорилось в ней. — Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие... [и] будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами» (96).

Вечером того же дня (3 января) Благонравов ввел в Петрограде военное положение, оправдывая этот шаг необходимостью обезопасить Советскую власть от посягательства, запланированного на 5 января. В указе о введении военного положения Благонравов предупредил граждан, что все попытки погромов будут подавляться вооруженной силой, что отказ подчиняться постановлениям правительства подлежит суровому наказанию и что, начиная с 5 января,

все попытки контрреволюционных групп приблизиться к Таврическому дворцу или Смольному будут пресекаться вооруженным путем (97). Было ясно, что советские власти были твердо настроены любой ценой избежать давления со стороны огромной, враждебно настроенной толпы, подобной той, что вышла на улицы Петрограда 28 ноября. Инструкции, специально изданные для участников демонстрации, организованной Союзом защиты Учредительного собрания, предписывали, что они должны пройти мимо Таврического дворца без остановки (98). Однако запрет даже приближаться к окрестностям дворца делал кровавое столкновение между защитниками Учредительного собрания и защитниками Советской власти неизбежным.

5 января «Известия» сообщили, что массовые митинги во всех частях Петроградского гарнизона, имевшие место в предыдущие дни, завершились принятием обязательств поддержать Советское правительство в любом конфликте с Учредительным собранием. В реальности, впрочем, все было не столь однозначно. Солдаты Семеновского и Преображенского полков по-прежнему оставались источником беспокойства для Советской власти. Преображенский полк, например, официально решил не принимать участия в демонстрации в поддержку Учредительного собрания, но, в то же время, пообещал выступить, если понадобится защищать ее от попыток срыва (99).

Ввиду сохранения подобных угроз, президиум исполкома Петроградского Совета днем 4 января созвал представителей районных Советов и фабзавкомов на экстренное совещание (100). Совещание открыл большевик Михаил Лашевич — военный комиссар, работавший в тесном контакте с Благонравовым. «Демонстрации не запрещены, так как все равно их демонстрация будет, — заявил он. — Наша стратегия — чтобы во всех местах был наш кулак, и если бы они попытались захватить какое-либо учреждение, мы могли бы напрячь свои силы». «Особые меры, — продолжал он, — принятые по охране Смольного и Таврического. Завтра с утра летают наши аэропланы для разведки, они будут связаны с морским штабом». Чтобы избежать паники, Лашевич настоятельно советовал оповестить о полетах жителей городских районов. «Может быть, — предупредил он, — наступление завтра, надо быть все время наготове» (101).

Когда Лашевич закончил, Зиновьев, чей диксант из-за панического возбуждения звучал выше обычного, выкрикнул: «Мы переживаем дни третьей революции!» — и добавил, что для того чтобы удержать рабочих от участия в демонстрации, агитаторам придется метаться от предприятия к предприятию. В отличие от лидера большевиков, присутствовавшие на совещании представители районных Советов в целом были спокойны. Правда, некоторые из них принесли тревожные вести. Так, представитель отдаленного Колпинского района предупредил, что у них «на демонстрацию пойдут, неизвестно, вооруженные или мирно». При этом, пожаловался он, «у нас нет опоры, так как лучшая часть красногвардейцев отправлена на фронт». В том же тревожном ключе прозвучало выступление представителя Невского района, охарактеризовавшего свою территорию как «гнездо обронцев» и предупредившего, что некоторые рабочие собираются принять участие в демонстрации. Местные красногвардейцы, сказал невский представитель, находятся под влиянием анархистов, поэтому ни нападать на Совет, ни защищать его не станут (102).

На этом, к общему облегчению участников совещания, перечень проблемных мест оказался исчерпанным. Представитель Петербургского района сообщил, что несмотря на то, что уличные митинги и студенческие демонстрации в поддержку Учредительного собрания уже шли вовсю, об участии рабочих в них можно было не беспокоиться. Из центрального Первого Городского района сообщали, что сил для наведения порядка у них вполне достаточно, однако, учитывая близость района к Таврическому дворцу, броневик и пулемет не помешают. Представитель Второго Городского района также обнадежил собравшихся. Из его выступления следовало, что ситуация в этом буржуазном районе пока спокойная: местная полиция разоружена, красногвардейцы наготове, рабочие на демонстрацию не собираются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., George Leggett *The Cheka: Lenin's Political Police*. The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counterrevolution and Sabotage — Oxford and New York, 1986. Р 15–18, Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции — Л., 1987. С 53–56

- 2 См выше, глава 1
- 3 К тому времени левые эсеры составляли только 20% общего числа членов ВРК
- 4 ГАРФ Ф 130 Оп 1 Д 1 Л 10об
- 5 Чугаев Петроградский Воснно-революционный комитет Т 3 С 232, 259
- 6 Там же С 285
- 7 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 11 Л 2
- 8 См выше, глава 2
- 9 ГАРФ Ф 1236 Оп 1 Д 3 Л 149 К тому времени трения между ВРК и Совнаркомом усилились настолько, что сведения о них просочились в несоциалистическую печать 1 декабря газета «Наш век» сообщила, что левая оппозиционная группа внутри ВРК, недовольная стараниями Ленина направить внутреннюю политику большевиков в законное русло, одержала верх, и теперь ВРК действует «совершенно автономно и принимает свои решения, не считаясь с Советом народных комиссаров» — Наш век 1917 1 декабря С 3
- 10 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 186 Л.11
- 11 Латис М Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г — 20 декабря 1922 г) 1 Организационная часть — М, 1922 С 8
- 12 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 2 Л 13об, Разгон Правительственный блок С 121
- 13 Разгон Правительственный блок С 128
- 14 См., напр., резолюцию по вопросу о правительстве, принятую на совещании представителей частей Петроградского гарнизона в середине ноября. Заслушав доклады представителей ВЦИКа, городской думы и всех социалистических партий, солдаты приняли резолюцию, в которой выразили доверие Советскому правительству и заявили, что вхождение в него представителей левых эсеров является насущным — ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 53 Л 376
- 15 Смирнов Н Н Третий Всероссийский съезд Советов Л, 1988 С 111
- 16 Среди них были Прош Прошьян (нарком почт и телеграфов), Владимир Трутовский (нарком по местному самоуправлению), Александра Измайлович (нарком дворцов республики), Владимир Карслин (нарком по военным и морским делам и нарком имущества Российской республики), Владимир Алгасов (нарком внутренних дел без портфеля)
- 17 Известия 1917. 10 декабря С.7
- 18 Знамя труда 1917 16 декабря С 2
- 19 Там же. С 3
- 20 Там же 19 декабря С 3.
- 21 Латис М Указ соч С 14
- 22 Там же
- 23 Меньшевики в 1917 году. Т 3. Ч 2 С 559
- 24 Наш век. 1917 19 декабря С 3
- 25 РГАСПИ Ф 5. Оп 1 Д 2565 Л 1
- 26 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника Т 5 С 142
- 27 РГАСПИ Ф 5 Оп 1 Д 2565 Л 1об
- 28 Там же Ф 19 Оп 1 Д 30 Л 2
- 29 I N Steinberg Als ich Volkskommissar war Episoden aus der russischen Oktoberrevolution — Munich, 1929 Р 35–37
- 30 РГАСПИ Ф 19 Оп 1. Д 30
- 31 Steinberg Als ich Volkskommissar Р 35–37
- 32 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 30 Л.2об

- 33 Партия левых социалистов-революционеров Документы и материалы Под ред Я В Леонтьева Рук проекта В В Шелохасв — М, 2000 Т 1 С 179
- 34 По подсчетам Разгона — *Разгон* Правительственный блок С 135
- 35 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 10 Д 52 Л 5–6
- 36 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 42 Л 1об
- 37 Там же
- 38 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 154 См также Известия ЦК КПСС 1989 №1 С 236
- 39 *Рабинович* Большевики приходят к власти С 215
- 40 *Городецкий Е, Шарапов Ю* Свердлов — М, 1971 С 233–234, *Ленин В И* Сочинения 3-е изд Т 22 — М, 1931 С 130, 593, прим 62, Известия ЦК КПСС 1989 №1 С 236, Новая жизнь 1917 2 декабря С 3, Наш век 1917 2 декабря С 3
- 41 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 160–161, 279, прим 192, Известия ЦК КПСС 1989 №1 С 237, *Ленин В И* Полн собр соч Т 35 С 469, прим 70, Владимир Ильич Ленин Биографическая хроника Т 5 С 125
- 42 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 160–161, Известия ЦК КПСС 1989 №1 С 137–138
- 43 *Ленин В И* Полн собр соч Т 35 С 162–166
- 44 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 161
- 45 *Быстрова А* Борьба за укрепление диктатуры пролетариата Первые шаги диктатуры пролетариата //Октябрь в Петрограде Под ред О А Лидак — Л, 1933 С 325
- 46 *Городецкий, Шарапов* Свердлов С 234 Короткие сообщения в прессе об этом заседании см Дело народа 1917 14 декабря С 2, Социал-демократ 1917 14 декабря С 2
- 47 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 161
- 48 Там же С 280
- 49 Октябрьское вооруженное восстание Т 2 С 493
- 50 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 31 Л 2об
- 51 *Keep The Debate* Р 247
- 52 РГАСПИ Ф 19. Оп 1 Д 39 Л 1, Знамя труда 1918 4 января С 3, Известия ЦК КПСС 1989 №2. С.176
- 53 *Keep The Debate* Р 257–258, *Ленин В И* Полн собр соч Т 35 С 221–224
- 54 Архив Бахметьева (Columbia University, New York) Коллекция Зензинова Протоколы Центрального Комитета партии эсеров С 19
- 55 См выше, глава 2
- 56 Партия социалистов-революционеров Документы и материалы Под ред Д Б Навлова Рук проекта В В Шелохасв — М, 2000 Т 3 Ч 2 С 197
- 57 РГАСПИ Ф 274 Оп 1 Д 45 Л 1–340, *Святцкий Н* Фракция партии С Р, Учредительное собрание и ее деятельность //Партийные известия 1918 №5 С 32–42, *Огановский Н* Дневник члена Учредительного собрания //Голос минувшего 1918 №4–6 С 145–148, Соколов Б Защита Всероссийского Учредительного собрания //Архив русской революции — Берлин, 1924 Т 13 С 33–34, 58
- 58 РГАСПИ Ф 274 Оп 1 Д 45 Л 15, 45–46
- 59 Партия социалистов-революционеров Документы и материалы Т 3 Ч 2 С 197
- 60 Там же С 271–274
- 61 *Огановский Н* Указ соч С 143, 151
- 62 *Святцкий Н* 5–6 января 1918 года Из воспоминаний бывшего эсера //Новый мир 1928 №2 С 220–221, Соколов Б Указ соч С 31, 35
- 63 Архив Бахметьева Коллекция Зензинова Протоколы ЦК партии эсеров С 18–19

- 64 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 1 Д 5 Л 144
- 65 Соколов Б Указ соч С 31, 35 См также *Святыцкий И* 5–6 января 1918 года С 222
- 66 Быковский Н Я Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917 г — М, 1929 С 34
- 67 Соколов Б Указ соч С 48 Было ли как-то связано с планом ОНИКО покушение на Ленина 1 января 1918 г. остается неясным
- 68 Архив Бахметьева Коллекция Зензинова Протоколы ЦК партии эсеров С 19
- 69 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 2 Д 7 Л 42
- 70 Соколов Б Указ соч С 42
- 71 Бюллетье Всероссийского союза защиты Учредительного собрания 1918 3 января С 2
- 72 Соколов Б Указ соч С 44, Семенев Г Всесная и боевая работа партии социалистов-революционеров — М, 1922 С 13
- 73 Соколов Б Указ соч С 41, 44 См также Владимирова В Год службы «социалистов» капиталистам — М-Л, 1927 С 106. Семенев Г Указ соч С 10–11
- 74 Бюллетье Всероссийского союза 1917 31 декабря С 2, 1918 5 января С 2 См также Быковский Н Я Указ соч С 349
- 75 Соколов Б Указ соч С 50
- 76 Там же С 60 Слегка иную версию этих событий см Семенев Г Указ соч С 13 См также Владимирова В Указ соч С 109–110
- 77 Так, последние две недели декабря заседания ПК, похоже, были почти полностью посвящены этому вопросу — Петербургский комитет РСДРП (б) С 607–623
- 78 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 52 Л 29–29об
- 79 Следственная комиссия ревтрибунала при Петроградском Совете была создана 24 ноября Чрезвычайная комиссия безопасности Петрограда и комитет по борьбе с погромами появились в начале декабря
- 80 Латис М Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии С 11 См также Леонов С В Рождение Советской империи — М, 1997 С 248–249
- 81 Петерс Я Х Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции //Пролетарская революция 1924 № 10 (33) С 10
- 82 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 2 Д 25 Л 1
- 83 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 185 Л 1–26
- 84 Там же Л 19, Президиум Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, декабрь 1917 г //Красная летопись 1932 № 1–2 (46–47) С 111
- 85 ГАРФ Ф 337 Оп 1 Д 4 Л 1, 13, 17
- 86 ЦА ФСБ РФ № Н-972 Т 8 Л 23
- 87 Там же
- 88 Там же Т 1 Л 1–2, Т 2 Л 30, Т 8 Л 24–25, Т 10 Л 169–176
- 89 ЦГАИД Ф 1 Оп 1. Д 273 Л 2
- 90 Знамя труда 1918 4 января С 3, Известия ЦК КПСС 1989 № 2 С 176
- 91 Знамя труда 1918 4 января С 3
- 92 ГАРФ Ф 9618 Оп 1 Д 185 Л 20
- 93 Известия 1918 5 января С 3 Подробнее о мерах безопасности, принятых петроградскими властями в преддверии Учредительного собрания, см Октябрьское вооруженное восстание Т 2 С 496–500
- 94 Известия 1918 5 января С 3
- 95 Там же

96 Там же 4 января С 1

97 Там же Указ был опубликован в прессе и усиленно распространялся другими способами 4 и 5 января

98 Бюллетень Всероссийского союза защиты Учредительного собрания 1918 4 и 5 января С 1

99 Петроградское эхо 1918 5 января С 1

100 ЦГА СПб Ф 9618. Оп 1 Д 185 Л 26–30. ЦГАИПД Ф 1 Оп 4 Д 121 Л 1–4

101 ЦГАИПД Ф 1 Оп 4 Д 121 Л 1

102 Там же Л 2–4

103 Там же

104 Там же Л 4 См также Первые шаги большевистского Петроградского Совета в 1917 г Протоколы заседаний //Красная летопись 1927 №3 (24) С 80–82

105 Известия 1918 5 января С 1, Знамя труда 1918 5 января С 4, Ильин-Женевский А Ф Большевики у власти Воспоминания о 1918 году — Л, 1929 С 24–26

106 Известия 1918 5 января С 1